

РОССИЯ, РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ И ПРАВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА В
ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ГЕТМАНСТВА П. ДОРОШЕНКО
(1673–1677 г.)

В начале 1667 г. в Андрусове был заключен перемирный договор, положивший конец долголетней русско-польской войне, начало которой положило воссоединение Украины с Россией. По этому договору Левобережная Украина с Киевом вошла в состав Русского государства, а Правобережная Украина осталась в составе Польско-Литовского государства. Как будто закончился многолетний конфликт, но положение, сложившееся на Правобережье после заключения договора, прямо заставляло политические круги в Москве задумываться над возможностью пересмотра условий соглашения.

Попытки властей Речи Посполитой восстановить в этом ареале отношения, существовавшие до войны, вызывали активный отпор населения во главе с гетманом Петром Дорошенко, который Польско-Литовское государство не могло преодолеть. В этих условиях глава Посольского приказа А. Л. Ордин-Нащокин выдвигал планы, как убедить власти Речи Посполитой согласиться на мирное присоединение к России правобережного гетманства, и начал на эту тему переговоры с самим правобережным гетманом [Флоря, 2013, с. 280–282, 286–289]. Как известно, П. Д. Дорошенко избрал другое решение, направившись на Левобережье с войском, чтобы подчинить его своей власти, опираясь на поддержку Османской империи и Крымского ханства. К началу 1669 г. был и формально установлен османский протекторат над Правобережным гетманством. Правда, в течение нескольких последующих лет предпринимались попытки и побудить Дорошенко подчиниться русской власти, и убедить власти Речи Посполитой согласиться на присоединение правобережного гетманства к России, но успехом они не увенчались.

Положение в Восточной Европе резко изменилось, когда в 1672 г. начался поход османских войск во главе с самим султаном Мехмедом IV на земли Правобережной Украины. Речь Посполитая, находившаяся в то время в ситуации глубокого внутривнутриполитического кризиса, оказалась неспособной дать отпор османам и вынуждена была согласиться на мир, продиктованный победителем. 16 октября 1672 г. в Бучаче был подписан мирный договор, по которому Подолия с ее главным центром Каменцом была присоединена к Османской империи, а над правобережным гетманством устанавливался признанный властями Речи Посполитой османский протекторат¹. Тем самым у русской стороны появлялись правовые основания для борьбы за Правобережье. В начале 1673 г. Алексей Михайлович поставил Варшаву в известность о том, что, после того как Речь Посполитая «гетмана Дорошенко со всем посольством с городами поступила турецкому султану», он не считает себя связанным условиями Андрусовского договора и станет население Правобережной Украины «из-под ига агарянского отвращать» под свою «высокую руку»². В Москву поступали сведения, что для таких действий складываются благоприятные условия. Здесь сыграло свою роль знакомство с османами и порядками, которые они устанавливали, когда за неуплату высоких налогов обращали в рабство, а православные храмы превращались в мечети (см. об этом: [Османская империя, с. 114–115]). В таких условиях казачество Правобережья стало отказываться от поддержки гетмана Дорошенко. Возвращавшийся весной 1673 г. из Стамбула русский гонец В. Даудов сообщал, что здесь его «по селам и по местам полковники, и ясаулы, и рядовые казаки, и мещане... принимали и кормили и поили... а молят Бога, чтоб быть у царского величества в подданстве»³. Уже в марте 1673 г. командующему войсками Белгородского разряда

¹ Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego / Zebrał i wydał F. Kluczycki. Kraków, 1880. Т. 1. Cz. 2. № 425.

² Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (далее – АЮЗР). СПб., 1879. Т. XI. Стб. 366–370.

³ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Кн. 13. Л. 59 об.–60.

Г. Г. Ромодановскому и гетману Левобережной Украины И. Самойловичу было предложено начать переговоры с Дорошенко и правобережными полковниками о подчинении царю. В случае необходимости они могли начать военные действия [Эйнгорн, 1898, с. 124–125].

К этому времени, однако, ситуация серьезно осложнилась, так как в критическом положении, в котором оказалась Речь Посполитая, в марте 1673 г. произошло примирение враждебных группировок политической элиты. Сейм принял решение не признавать Бучачского договора и продолжать войну, был установлен ряд налогов для снаряжения армии [Korzon, s. 348–353]. В зачитанном на сейме мемориале командующий армией Ян Собеский предлагал начать переговоры с Дорошенко и полковниками, чтобы привлечь их на свою сторону [Wójcik, s. 201].

Как показало последующее развитие польско-русских контактов, в Москве старались не принимать во внимание эти перемены, утверждая, что занимают территорию, находящуюся под властью османов. Однако русские политики должны были считаться с тем, что на Правобережье они столкнутся с попытками польских властей утвердить в этом регионе свою власть и влияние. С этого времени есть все основания говорить о скрытой борьбе России и Речи Посполитой за обладание Правобережьем. Картина усилий властей Речи Посполитой, направленных на обладание Правобережьем, четко обрисована в целом ряде работ польских исследователей — Я. Волиньского (прежде всего работа: [Woliński, 1934]), Я. Пердени [Perdenia], в недавно вышедшей монографии М. Вагнера [Wagner].

О русской политике на Правобережье в эти годы писали В. О. Эйнгорн [Эйнгорн, 1898; Эйнгорн, 1899], Н. И. Костомаров [Костомаров] и С. М. Соловьев в ряде разделов своей монументальной «Истории» [Соловьев, 1961, с. 453–455, 468–470, 473–474, 479–480, 485–496; Соловьев, 1962, с. 197–200, 203–204]. Исследователи для реконструкции событий широко использовали (что естественно) документы Малороссийского приказа, но в гораздо меньшей степени обращались к фонду «Сношения России с Польшей». Поэтому остается не вполне ясным, как отражалось соперничество двух государств на польско-русских контактах середины 70-х годов XVII в. Остается также не вполне ясным, какими сведениями о польской политике на Правобережье обладало русское правительство и как это влияло на его политику.

Достаточный материал для ответа на эти вопросы дают подробные записи русско-польских переговоров и содержательный архив русского резидента в Варшаве В. М. Тяпкина. Вместе с тем вся совокупность собранного исследователями материала позволяет искать ответ, пожалуй, на наиболее важный вопрос, касающийся темы — каково было отношение населения региона (как и разных его слоев) к действиям разных государств и чем оно определялось.

В научной литературе убедительно показано, что 1673 г. отмечен попытками обоих государств добиться соглашения с гетманом Дорошенко и эти попытки оказались безуспешными [Perdenia, s. 356–357, 365; Эйнгорн, 1898, с. 908–946]. Впрочем, обе стороны искали других путей для достижения своих целей. Так, власти Речи Посполитой связывали свои планы с главным представителем пропольской ориентации в среде правобережного казачества, бывшим уманским полковником Михаилом Ханенко, но тот уже весной 1673 г. заявил о своем желании перейти на русскую службу [Perdenia, s. 352, 361–362]. Была предпринята попытка вступить в переговоры с подольским полковником О. Гоголем и брацлавским П. Лисицей, но и она не привела к каким-либо результатам [Perdenia, s. 357, 366].

Действия русской стороны оказались более успешными. Так, на переговорах с русскими властями посланцы генерального есаула Лизогуба не только порицали гетмана и османов, но и призывали «многих ратных людей на ту сторону Днепра в скорых временах прислать»⁴. На казацкой раде, собравшейся в начале лета 1673 г. в Росаве под Каневом, многие казаки говорили,

⁴ АЮЗР. Т. XI. № 55. Стб. 166–170.

что готовы воевать против турок с русскими войсками⁵. Так возникла перспектива добиться присоединения Правобережья не по соглашению с Дорошенко, а против него. Поздней осенью 1673 г. в Москве считали почву для вмешательства достаточно подготовленной. 26 ноября польскому королю Михаилу сообщили, что Г. Г. Ромодановскому и И. Самойловичу приказано «итти за Днепр» и «всякой воинской промысл чинить велено вскоре, не испустя ныняшнего зимнего времени, чтоб ево, Дорошенка, для помочи к турским людям не упустить»⁶. Реально армия выступила в поход, как официально сообщали В. М. Тяпкину, 14 января 1674 г.⁷ Момент для выступления был выбран удачный. 12 декабря 1673 г. польский резидент П. Свицерский сообщил о смерти короля Михаила и наступлении в Речи Посполитой «бескоролевья»⁸, когда магнаты и шляхта должны были заняться выборами нового монарха, а патроны Дорошенко — османы — зимой военных действий, как правило, не вели.

Описание похода в основных чертах совпадает в сообщениях и русских, и польских источников⁹. Основные силы армии перешли Днепр несколько севернее Чигирина, что заставило Дорошенко укрыться в этом городе. Затем армия двинулась вверх по течению Днепра. Были заняты такие важные центры, как Черкассы и Канев. Если сдаче Черкас предшествовали двухдневные бои, то Канев, где находился генеральный есаул Лизогуб, сдался без сопротивления. Начались присяги царю со стороны отдельных местечек, городов, полков. Так, приехал к И. Самойловичу и принес присягу белоцерковский полковник Степан Бутенко. 15 февраля поход закончился, и русско-украинская армия, перейдя Днепр у Канева, отошла к Переяславу. Тем временем в Корсуні собрались главные силы правобережного гетманства. Там находились полковники корсунский, тарговищенский, уманский, паволоцкий, брацлавский, кальницкий и могилевский. Земли этих полков не были затронуты (кроме корсунского) развернувшимися в Поднепровье военными действиями, к тому же главные силы русской армии ушли на Левобережье. Однако и в этих условиях после имевших место споров было принято решение перейти под власть царя. Из всех полковников лишь паволоцкий полковник Гамалея уехал в Чигирин. 5 марта с сообщением о принятом решении в Переяслав прибыли П. Лисица и О. Гоголь. 15 марта в Переяславе собралась казацкая рада, на которой И. Самойлович был провозглашен гетманом обоих берегов Днепра. В раде участвовали главные чины правобережного гетманства: генеральный есаул, обозный судья и 9 полковников¹⁰. Отсутствовали только подольский полковник О. Гоголь и паволоцкий полковник Г. Гамалея. Однако отсутствие О. Гоголя было случайным. 19 марта он подписал послание рады Алексею Михайловичу¹¹. Таким образом, на территории Правобережного гетманства И. Самойловичу не подчинялись только два центра — Чигирин и Паволочь. Вместе с тем «паволоцкого полку старшина» приняла участие в Переяславской раде¹². В паволоцкий и чигиринский полки И. Самойловичем были назначены свои полковники¹³. В Каневе и Черкасах были поставлены русские гарнизоны во главе с воеводами¹⁴. Все эти обстоятельства показывают, что русское правительство сумело добиться на Правобережье крупного политического успеха и использование военной силы при этом решающего значения не имело. Основная масса правобережного казачества выразила согласие жить под русской властью на условиях, в которых жило в 70-х годах XVII в. казачество Левобережья.

⁵ Там же. № 84. Стб. 278.

⁶ РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). 1674 г. № 8. Л. 404—405.

⁷ РГАДА. Ф. 79. Кн. 160. Л. 52.

⁸ РГАДА. Ф. 79. 1674 г. № 8. Л. 558.

⁹ Ср. основанный на русских источниках рассказ Н. И. Костомарова [Костомаров, с. 241—244] и основанный на польских сообщениях рассказ М. Вагнера [Wagner, s. 18—20].

¹⁰ Собрание государственных грамот и договоров. М., 1828. Ч. 4. С. 301—304.

¹¹ АЮЗР. Т. XI. № 120. Стб. 411.

¹² Там же. № 118.

¹³ Об этих полковниках см.: Там же. № 126. Стб. 421.

¹⁴ Там же. № 114.

Одновременно с отправкой армии на Правобережье в Москве предприняли другой важный политический шаг. Приехавшему в Москву посланцу литовских магнатов А. Константиновичу было сказано, что Алексей Михайлович готов занять опустевший польский трон и в этом случае обещает защищать Речь Посполитую от наступления османов «не только войсками своими государскими, но и чужоземскими». Одновременно в ответе посланцу, интересовавшемуся вопросом о границах, пояснялось, что если Алексей Михайлович станет польским королем, «тогда и все государства... будут под его царским владением и рубежей разделять не для чего». Так обрисовывались условия возможного русско-польского соглашения. Польско-литовская сторона должна была согласиться на присоединение к России Правобережной Украины, а царь направит свои силы на защиту Речи Посполитой от османов [Флоря, 2015, с. 277–278].

Если на Правобережье удалось добиться успеха, то в Речи Посполитой предложенные условия соглашения не были приняты. Выборы завершились в апреле 1674 г. избранием командующего польской армией, гетмана Яна Собеского, владельца крупных имений на Украине, принадлежавшего к той части политической элиты Речи Посполитой, которая не собиралась идти на уступки России при решении украинского вопроса. Уже в марте 1674 г. В. М. Тяпкин сообщал, что от получения известий о русских успехах на Правобережье в Варшаве «зело тому страшны и сумнительны»¹⁵. На конвокационном сейме, закончившем свою работу 20 февраля, было принято решение на будущих мирных переговорах с Россией не идти на уступки ради заключения союза против османов [Perdenia, s. 381]. Еще до своего избрания 7 марта (н. ст.) гетман Ян Собеский приказал ротмистру А. Моджевскому занять южные области правобережного гетманства («города, местечка к воеводству Подольскому належачие») и установить там власть Речи Посполитой¹⁶. В конце марта он подошел к Виннице и разослал универсалы в разные города «за Богом рекою», призывая население подчиниться власти короля и Речи Посполитой [Wagner, s. 22–23]¹⁷. Направляя этот военный отряд в Подолию, Ян Собеский, желая привлечь население на свою сторону, предписывал, чтобы военные «в городах и селах никакой не чинили обиды». На территории могилевского-подольского полка А. Моджевский, по-видимому, добился определенного успеха. Полковник О. Гоголь, как показывают более поздние события, подчинился власти короля, но иная ситуация сложилась, когда войска А. Моджевского вступили на земли брацлавского и кальницкого полков. Войска, не следуя указаниям Собеского, облагали население «поборами великими», отбирали «пожитки» и хлеб. В апреле полковники кальницкий и брацлавский просили И. Самойловича о защите от «ляхов»¹⁸. Еще раньше правобережная старшина направила посольство к царю во главе с полковниками уманским и каневским, предлагая, чтобы царь добился удаления «ляхов» из Белой Церкви¹⁹. Вопрос о Белой Церкви был отложен до переговоров с великими послами Речи Посполитой²⁰. Но Самойловичу, когда в мае от него пришла информация о положении дел, было предписано добиваться вывода польских войск из Винницкого повета и польской «залогии» из Могилева днестровского²¹.

Интересы обоих государств прямо столкнулись в Подолии, куда после измены О. Гоголя в мае 1674 г. И. Самойлович направил как нового могилевского полковника М. Зеленского, а с ним «комонного» полковника А. Мурашко, и часть населения полка подчинялась их власти. В Шар-городе А. Мурашко арестовал «урядников» О. Гоголя²².

¹⁵ РГАДА. Ф. 79. Кн. 160. Л. 182.

¹⁶ АЮЗР. Т. XI. № 115. С. 381–383.

¹⁷ См. также: Там же. № 132.

¹⁸ Там же. № 128–129. См. также № 122–124.

¹⁹ Там же. № 120.

²⁰ Текст царского ответа см.: Там же. № 127.

²¹ Там же. № 140.

²² Там же. № 142; Сибирский сборник. М., 1845. Т. 1. Малороссийские дела. № 174. С. 191 (об осаде полком А. Мурашки Гоголя в Могилеве).

Одновременно в руки русских властей попало письмо к Дорошенко лабунского полковника Е. Пшоровского, в котором содержались обещания, что король утвердит его на гетманстве и обеспечит защиту его владений от продвижения русских войск, если он согласится вернуться под власть Речи Посполитой²³. Прибегать к более решительным мерам Собеский не мог. Война с османами продолжалась, и это вынуждало искать военно-политического сотрудничества с Россией. Для переговоров о соединении военных сил двух государств против османов в Москву был отправлен посланник С. Венславский. Переговоры в русской столице начались в первых числах августа 1674 г.²⁴

Тем временем на Правобережье новой власти приходилось вести борьбу с Дорошенко, который пытался вернуть население под свою власть с помощью войск крымского хана. В конце мая для действий против этого врага были направлены русские войска во главе с М. Беклемишевым и переяславский полковник Дм. Райа с 5 казацкими полками. Они должны были действовать, «случась с заднепрскими полки». На реке Ташлыке под Смелой войска Дорошенко и крымских «султанов» были разбиты²⁵. В начале июля в поход двинулись главные силы русско-украинской армии во главе с Г. Г. Ромодановским и И. Самойловичем. К этой армии должны были присоединиться «заднепрские полки»²⁶. Города, еще подчинявшиеся Дорошенко в округе Чигирина, — Жаботин, Медведевка, Крылов — принесли присягу. 23 июля началась осада Чигирина²⁷. Под Павлочь был направлен Лубенский полк²⁸. Очевидно, речь шла о полном утверждении власти Самойловича на всей территории Правобережного гетманства.

Уже на пути в Чигирин Самойлович стал получать известия с юга от подольского и уманского полковников о приходе к Днестру османо-крымской армии²⁹. Тогда к Днестру было послано войско во главе с Дм. Райчей, с ним был отправлен Сумской полк со Слободской Украины и «все полки сии заднепрские, опричь черкасского и тарговицкого»³⁰. Таким образом, «заднепрские полки» не только признали Самойловича своим гетманом, но и активно участвовали в военных действиях на его стороне.

На переговорах с С. Венславским в Москве русская сторона заняла жесткую позицию. Посланцу заявили, что, когда польская сторона уступила Украину османам, царь был вынужден, «не допуская турецких войск до государства своего», начать войну с казаками — подданными султана и в результате Правобережная Украина «учинилась под державою» Алексея Михайловича³¹. Когда посланник спросил, где граничат между собой Османская империя и Россия, ему отвечали: «Дон и Азов, а ныне войска его царского величества уже и на Днестре»³².

Тем временем на юге происходили важные события. Когда османо-крымская армия находилась на Пруте, туда прибыли посланцы Дорошенко с просьбой о помощи. Зная, что польско-литовская армия еще не собралась для ведения военных действий, османские власти приняли решение предпринять поход на земли Правобережья, подчинившиеся власти Алексея Михайловича [Wagner, s. 59–60]. К такому повороту событий русская сторона оказалась не готова. Предполагалось направить на Правобережье крупную армию во главе с Ю. А. Долгоруким, а уже летом войска Самойловича должны были усилить корпус, собранный

²³ АЮЗР. Т. XI. № 158. Стб. 529–533.

²⁴ РГАДА. Ф. 79. 1674 г. № 14. Л. 112.

²⁵ АЮЗР. Т. XI. № 141, 150. Об участии в битве уманского полка см.: Там же. № 162.

²⁶ См. в грамоте И. Самойловича царю, что он «приказал... всем тое стороны полкам итти для промыслу и поиску к Чигирину» (АЮЗР. Т. XI. № 139).

²⁷ АЮЗР. Т. XI. № 164. Стб. 541; № 165. Стб. 546.

²⁸ Там же. № 159. Стб. 530.

²⁹ Там же. № 157, 162.

³⁰ Отписка И. Самойловича царю от 25 июля (АЮЗР. Т. XI. № 165. Стб. 545).

³¹ РГАДА. Ф. 79. 1674 г. № 14. Л. 259–261.

³² Там же. Л. 166.

Ф. Г. Ромодановским в Рыльске, но, несмотря на предпринятые усилия, собрать этот корпус к концу лета так и не удалось³³.

Имевшихся сил оказалось недостаточно для борьбы с османо-татарской армией. Высланное для противодействия противнику войско Дм. Райчи было вынуждено отойти к Корсуну, затем к Каневу³⁴. Войска, осадившие в начале августа Павлочь, были возвращены в Киев³⁵. В опасности оказалась и армия, осаждавшая Чигирин. Она была вынуждена отступить к Черкасам, где 13–14 августа шел бой с татарами «с утра до вечера». Наступление татар было отбито³⁶. В это время в русский лагерь у Черкас прибыл польский гонец Я. Скулимовский. Он предлагал, чтобы русская армия шла на юг к Тарнополю, где собирается польское войско³⁷. Это ясно показывало, что скорого появления польских войск на Правобережье ожидать не следует. От захваченных татарских пленников военачальники также узнали, что им неизвестно о каких-либо действиях польских войск³⁸. В таких условиях было принято решение отвести армию за Днепр.

Правобережные полки оказались без поддержки перед лицом османской угрозы. В сложившемся критическом положении разные полковники повели себя по-разному. Подольский полковник М. Зеленский, «не дождався посланков», ушел за Буг, а «комонный полковник» А. Мурашко с казаками своего отряда сел в осаду в Лодыжине. Целый ряд городов — Могилев днестровский, Кальник, Немиров, Брацлав — подчинились османам и приняли их гарнизоны. Но были и города, где османы столкнулись с упорным сопротивлением: в Лодыжине казаки Мурашко отбили 9 приступов, серьезные потери понесла османская армия при осаде Умани. Такие города разрушались, их население истреблялось и угонялось в рабство³⁹. Лишь под Каневом стоявшие там войска дали отпор противнику⁴⁰, и русско-украинская сторона удержала важный опорный пункт на Правобережье.

П. Д. Дорошенко воспользовался ситуацией, чтобы восстановить свою власть на территории правобережного гетманства, но его положение было непрочным. Характерно, что сохранилось сообщение о предложениях гетмана султану, что, поскольку он «не может все Украины удержать», он предлагает, «чтоб, несколько городов оставя, которые ныне с ним держались, всю сторону пожечь и огню предати»⁴¹. Гетман, очевидно, понимал, что население Правобережья лишь под угрозой силы будет поддерживать его проосманскую ориентацию.

В Москве были приняты решения об организации серьезного отпора османам. Уже 18 августа еще находившемуся в Москве С. Венславскому сообщили, что «всего своего государства ратным людем указал великий государь к своему государскому походу быть готовым»⁴². В грамоте, направленной 26 августа белоцерковскому полковнику С. Бутенко, говорилось о намерении царя послать на Правобережье Ю. А. Долгорукого «со многими ратными людами и с большим пушечным запасом»⁴³. Воеводы армии во главе с Ю. А. Долгоруким в первых числах сентября были «у руки»⁴⁴, но затем пришли сообщения об уходе османской армии⁴⁵.

³³ АЮЗР. Т. XI. № 194. Стб. 645; Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 1. № 587; [Попов, с. 71–72].

³⁴ АЮЗР. Т. XI. № 165, 179, 195.

³⁵ Там же. № 189.

³⁶ См. отписку киевских воевод (Синбирский сборник. Т. I. Малороссийские дела. № 195. С. 219–220), грамоту И. Самойловича царю (АЮЗР. Т. XI. № 190. Стб. 636–637) и рассказ посланца коронных гетманов Я. Скулимовского (РГАДА. Ф. 79. Кн. 160. Л. 473 об.–474).

³⁷ О поездке Я. Скулимовского и данных ему инструкциях см.: Синбирский сборник. Т. I. Малороссийские дела. № 191. С. 206–210.

³⁸ РГАДА. Ф. 79. Кн. 160. Л. 591.

³⁹ О походе османской армии см.: [Крикун, 1999].

⁴⁰ АЮЗР. Т. XI. № 201. Стб. 665–666; СПб., 1882. Т. XII. № 8. Стб. 29, 31; РГАДА. Ф. 79. 1674 г. № 18. Л. 79–80.

⁴¹ РГАДА. Ф. 79. Кн. 160. Л. 434 об.–435.

⁴² РГАДА. Ф. 79. 1674 г. № 14. Л. 389–390.

⁴³ АЮЗР. Т. XI. № 194.

⁴⁴ Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. III. Стб. 984–985, 998–999.

⁴⁵ Там же. Стб. 1036.

После прихода таких сведений Самойловичу были отправлены «указы» о посылке за Днепр войска «для промыслу воинского», но гетман отказался вести военные действия зимой, так как казаки «не обмысли столь долго на войне пребывать»⁴⁶.

Польско-литовская армия выступила в поход на земли пограничных южных областей Речи Посполитой в конце октября 1674 г., когда и османская армия, и войска Крымского ханства уже ушли за Днепр [Wagner, s. 66, 83]. Учитывая уроки прежних контактов, Ян Собеский из своего лагеря под Баром рассылал «универсалы», адресованные всему населению, и особенно казачеству, обещая сохранение традиционных прав, а казакам — жалованье и одежду [Perdenia, s. 399—400]. Уход русских войск за Днепр и приход польской армии с обещанием защиты от османов создавали благоприятную ситуацию для планов Собеского.

На протяжении последних месяцев 1674 г. Я. Собеский прилагал усилия для установления власти на южных землях правобережного гетманства. На ряде территорий население принесло присягу и выражало готовность сражаться с польскими войсками против османов. Главным сторонником Собеского в рядах правобережного казачества стал О. Гоголь.

О. Гоголь не только задержал и выдал находившихся в Могилеве татар, но и участвовал затем в нападениях польских войск на земли Молдавского княжества [Крикун, 2006, с. 57, 61]. 22 ноября он принес присягу и получил привилей о пожизненном владении полком «Подольским и Брацлавским». Казаков полка Собеский освобождал от каких-либо повинностей и власти «дедичных панов» [Крикун, 2006, с. 57—59]. Подобными шагами Ян Собеский стремился привлечь под власть Речи Посполитой население, боявшееся возвращения старых порядков.

Король прилагал усилия, чтобы склонить на свою сторону казацких полковников. Он обещал им «сукна на год всем... старшине доходы с мельниц и с тех, что привозят и вывозят»⁴⁷. В целом ряде городов — Могилеве днестровском, Брацлаве, Кальнике, Немирове и других пунктах — были размещены польские гарнизоны⁴⁸. Позднее король подчинил своему «наказному» гетману О. Гоголю Могилевский, Брацлавский, Кальницкий и Уманский полки, то есть всю южную часть Правобережного гетманства, но на территории этих полков продолжали действовать полковники Петра Дорошенко. Хотя Брацлав зимой 1674/1675 г. был резиденцией Яна Собеского, на территории полка действовал не подчинившийся ему полковник Федор Балабаш [Крикун, 2006, с. 311, 316]. Неудивительно поэтому, что частью его планов стало подчинение его власти гетмана Петра Дорошенко. Оказавшись в неблагоприятном положении, гетман обратился к королю, выражая желание подчиниться его власти и высказывая просьбу обсудить условия, на которых было бы возможно такое подчинение. На переговоры в Чигирин выехали львовский епископ Иосиф Шумлянский и полковник Станислав Морштын [Woliński, 1934, s. 12—15]. Условия, предложенные гетманом, Иосиф Шумлянский привез из Чигирина в начале февраля 1675 г. [Woliński, 1934, s. 18]. Для гетманства, состоявшего из трех воеводств (киевского, черниговского и брацлавского), предполагалась самая широкая автономия (в частности, его территория должна была быть закрытой для войск Речи Посполитой и представителей государственной власти — старост и державцев)⁴⁹. В своем ответе король проявил готовность на целый ряд уступок (о причинах этой уступчивости речь пойдет дальше): он обещал уравнивать в правах православных и католиков, провозгласить общую амнистию, подтвердить казацкие «вольности» и даже вывести войска, если получит гарантии, что гетман не станет искать чьей-либо «протекции» [Woliński, 1934, s. 28—29]. О достигнутых успехах Ян Собеский поторопился уже 29 ноября информировать Алексея Михайловича⁵⁰, но это вызвало острую отрицательную реакцию. Когда

⁴⁶ АЮЗР. Т. XI. № 202.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 79. 1675 г. № 5. Л. 338.

⁴⁸ Список пунктов, где размещены такие гарнизоны, см.: РГАДА. Ф. 79. 1675 г. № 5. Л. 118.

⁴⁹ Текст этих условий см.: [Woliński, 1934, s. 24—27].

⁵⁰ РГАДА. Ф. 79. 1674 г. № 15. Л. 100—102.

османы находились на Украине и воевали с русскими войсками, польско-литовской армии там не было, а теперь, когда османов нет, польско-литовские войска «в те наши царского величества украинные города вступили и в подданство свое приводят изволили»⁵¹.

В Москву от литовских противников Яна Собеского поступали сообщения, что османы пришли на Правобережье «по повелению и согласию королевскому» и что Ян Собеский ищет мира с Османской империей и союза с ней против России⁵². Образ действий польско-литовской стороны побуждал верить в эти слухи. В отношениях двух государств наступило заметное охлаждение.

Успехи Яна Собеского во многом были связаны с тем, что османская армия ушла, местное население не хотело иметь дело с османами, а он не форсировал восстановление прежних порядков. Однако со временем стала обнаруживаться непрочность его позиций. Ян Собеский, чтобы обеспечить поддержку населения, не разрешил до решения сейма землевладельцам управлять бывшими подданными и взимать с них чинш [Woliński, 1934, s. 15], но землевладельцы добивались отмены этого распоряжения. В феврале 1675 г. В. М. Тяпкин сообщал, что сенаторы добиваются, чтобы «шляхт[ичи] в Украине имели маетности свои по-прежнему»⁵³. В другом сообщении говорилось, что на эти земли следовало бы назначить губернатора с особыми полномочиями, так как «люди козаки ожесточали, неудобноносимы послушания»⁵⁴.

Другое важное обстоятельство состояло в том, что население ожидало от польской власти защиты от татар и османов. Однако размещенная на зимовку на южных землях Речи Посполитой армия не могла выполнить этого условия. Получая плохое содержание (из-за отсутствия средств в государственной казне), солдаты страдали от голода и болезней, умирали и бежали со службы [Wagner, s. 99–101]⁵⁵. Правобережные полковники, пошедшие на службу к королю, говорили о слабости гетмана Дорошенко: «людей при нем никово нет, толко серденята и нечто казаков»⁵⁶. Однако зимой 1675 г. королевская армия также выглядела не блестяще. Неудивительно, что с приходом к Чигирину татарского войска П. Дорошенко прервал переговоры с Собеским.

С приходом татарского войска Собеский, находившийся в Брацлаве, оказался в опасном положении и просил помощи у русских воевод в Переяславе и Киеве⁵⁷. Начались набеги татарских «загонов», охватившие широкую территорию [Perdenia, s. 417]. Разосланные по разным поселениям для их охраны небольшие, плохо снабжаемые и голодающие, во многих случаях утратившие лошадей⁵⁸ отряды не были в состоянии дать отпор татарам и, наоборот, сами стали становиться объектами их нападений. Как сообщал В. М. Тяпкин, татары «ходят около становищ полских жолнеров... и побивают, и в полон емлют многих»⁵⁹. В другом сообщении читалось, что польские войска «все пеши и нужны зело и бредут в рознь», а татары их «бьют и в полон емлют беспрестанно»⁶⁰.

Но и на тех землях, которые еще подчинялись власти Дорошенко, положение было не лучше. Зимой 1675/1676 г. здесь на землях Черкасского и Корсунского полков разместились пришедшие на помощь Дорошенко крымские войска⁶¹. В одном из поступивших в Москву

⁵¹ РГАДА. Ф. 79. 1674 г. № 15. Л. 116–117.

⁵² См. отписку В. М. Тяпкина о его беседе с литовским гетманом М. Пацом (РГАДА. Ф. 79. Кн. 160. Л. 423 об.–425).

⁵³ РГАДА. Ф. 79. 1675 г. № 5. Л. 156.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 79. 1675 г. № 5. Л. 164.

⁵⁵ Целый ряд сообщений об этом присылал в Москву и В. М. Тяпкин. Среди них и текст грамоты Яна III из Брацлава от 10 февраля, что «большая часть товариства разошлась, а иная болезнию болит, и пехота умирает и бежит» (РГАДА. Ф. 79. 1675 г. № 5. Л. 142).

⁵⁶ РГАДА. Ф. 79. 1675 г. № 5. Л. 50.

⁵⁷ См.: [Perdenia, s. 407–408]; РГАДА. Ф. 79. Кн. 173. Л. 62 об.–63 об.

⁵⁸ См. отзывы о состоянии армии литовского канцлера К. Паца: «многие тысячи конницы учинились пеши, а сами от голоду и холоду померли многие» (РГАДА. Ф. 79. 1675 г. № 5. Л. 6).

⁵⁹ РГАДА. Ф. 79. Кн. 173. Л. 50 об.–51.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 79. Кн. 173. Л. 100.

⁶¹ АЮЗР. Т. XII. № 13.

весной 1675 г. сообщений указывалось: «Про Корсунь сказывают, что хану отдан, дабы ясырь детми выбрал себе»⁶².

В этой сложной ситуации полковники из южных районов правобережного гетманства, подчинившиеся в конце 1674 г. Яну Собескому, продолжали его поддерживать, активно участвуя в борьбе с татарами. Лидером этой группировки был О. Гоголь, которого в апреле 1675 г. король назначил «наказным» гетманом городовых и «охотных» казацких полков [Крикун, 2006, с. 311–315].

Иной оказалась реакция населения. Уже в конце января 1675 г. в Москве стало известно, что «с тое стороны Днепра жители на сю сторону бегут непрестанно с женами и детьми»⁶³. В апреле 1675 г. И. Самойлович сообщал А. С. Матвееву, что «с тое стороны Днепра мало не весь люд из городов на сю сторону вышли»⁶⁴. Показательно, что люди шли на Левобережье, а не в более далекие северные или западные области Речи Посполитой. Очевидно, на защиту со стороны властей Речи Посполитой они не рассчитывали и надеялись найти такую защиту под русскую власть.

Когда османская армия в конце весны снова выступила в поход, уход населения за Днепр усилился. 29 мая И. Самойлович снова писал царю, что «люди с Правобережья на всякой день на сю сторону переходят»⁶⁵. Такие настроения охватили и стоявшее у Корсуни войско правобережного гетмана, откуда «многие по десяти и по двадцати на всякой день на сю сторону переходят»⁶⁶. И все это происходило в условиях, когда Дорошенко принимал самые суровые меры, чтобы помешать уходу. Как сообщал И. Самойловичу судья Нежинского полка из Канева, гетман разрешил своим наемным войскам — «серденятам» — «людей тех бедных, которые идут за Днепр, грабить и громить»⁶⁷. Когда из Тарговицы направилось за Днепр три тысячи человек, гетман «послал из-под Корсуни татар, и тех жителей разобрали»⁶⁸. Однако и «сердюки» оказались ненадежны. В марте 1675 г. их отряд из 500 человек во главе с полковником Молчаном также перешел за Днепр⁶⁹.

При контактах с Москвой представители Речи Посполитой неоднократно подчеркивали, что в распоряжении правобережного гетмана нет уже никакой серьезной военной силы. Королевский посланец А. Кладницкий говорил весной 1675 г., что «казаков при нем только с полторы тысячи и ни в чем ему казаки не верят»⁷⁰. В этих условиях литовская армия во главе с М. Радзивиллом в марте 1675 г. осадила Паволочь и добилась капитуляции гарнизона [Wagner, s. 113–116]. На этом военные действия прервались. Лишь в июне 1675 г. отряд конницы во главе с полковником Г. Гуляницким был направлен к Корсуни для наблюдения за действиями П. Дорошенко [Wagner, s. 149–150]. Он был отправлен также «для призвания Дорошенковых сердюков»⁷¹. Непрочность позиций гетмана — главного сторонника проосманской ориентации в украинском обществе — была для политиков Речи Посполитой очевидной.

Впрочем, власти Речи Посполитой не могли много сделать в условиях, когда к ее южным границам приближалась новая османо-крымская армия. Развернувшаяся война не могла способствовать росту симпатий населения к Речи Посполитой. Несмотря на затраченные усилия,

⁶² Там же. № 36.

⁶³ Там же. № 9. Стб. 33.

⁶⁴ Там же. № 33. Стб. 96.

⁶⁵ Там же. № 37. Стб. 111.

⁶⁶ Там же. См. также № 43. Стб. 128.

⁶⁷ Там же. № 36. Стб. 107.

⁶⁸ Там же. № 47. Стб. 140.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 79. 1675 г. № 5. Л. 203. По характеристике Самойловича, в отряд входили «Волохи, Мутьяне, яхи... к воинскому делу великие промышленники» (АЮЗР. Т. XII. № 163. Стб. 576).

⁷⁰ РГАДА. Ф. 79. 1675 г. № 8. Л. 108.

⁷¹ АЮЗР. Т. XII. № 64. Стб. 187.

Ян Собеский не смог собрать войско, которое могло бы вступить в полевое сражение с османской армией [Woliński, 1963, s. 150]. В укрепленном лагере под Львовом он ждал османов, которые двигались вверх по течению Днепра, разоряя находящиеся на пути города и истребляя и угоняя в рабство население⁷². В поступившем в Москву подробном сообщении о войне говорилось о разорении 19 городов, не считая сел и местечек. Здесь отмечалось, что «все те города без особые обороны войсковых людей были» и «нигде не имели помочи»⁷³.

Захваченный «за Богом» османами и татарами «ясырь» Дорошенко просил отдать ему, но, как сообщал перешедший на русскую сторону служащий гетманской канцелярии Василий Кочубей, «его такому прошению не дано места, и ясырю не велено отпустить»⁷⁴. В таких условиях у казаков и других слоев населения Правобережья продолжала сохраняться пророссийская ориентация.

Хорошо осведомленный Кочубей сообщал, что полковники корсунский, тарговицкий, уманский, брацлавский пишут гетману об уходе за Днепр людей, хотя таких беглецов он «без числа» «поотдавал татаром»⁷⁵.

В этих условиях в Москве постепенно сложилось решение о новом походе на Правобережье. В грамоте, посланной 2 июля 1675 г. к Самойловичу, ему предписывалось идти к Днепру вместе с армией Г. Г. Ромодановского и отправить «часть войска самого доброго меж Киевом и Каневом»⁷⁶. Но гетман колебался. До него доходили слухи о тайной договоренности османов и Собеского, русские войска «за Днепр выманив и вывев в поле, сносить»⁷⁷. К началу августа с продвижением османской армии по направлению ко Львову положение прояснилось. 6 августа на встрече с царским посланцем С. Цеголевым гетман оценивал положение как благоприятное для похода. Силы Дорошенко ограничены. Его наказной гетман Шулик стоит у Корсуни с 2000 серденят. Городовые казаки уходят за Днепр, да и сердюки «усматривают времени, как бы им, взяв с собою пушки, уйти в Канев»⁷⁸. Сходным образом оценивал положение на Правобережье в августе 1675 г. и Г. Г. Ромодановский. Он писал, что власти Дорошенко подчиняется сравнительно небольшая территория с такими городами, как Богуслав, Тарговице, Корсунь, «а козацтва в них мало, только одни мещане», и те постоянно уходят за Днепр. И у Дорошенко «никакова войска в зборе нет»⁷⁹.

В августе были предприняты первые разведывательные походы. Переяславский полковник Войца Сербин и «охотницкий» полковник Илья Новицкий перешли Днепр и разбили войска Дорошенко под Мошнами. После этого жители города захотели «все едностайне с жонами, детьми и добытками» уйти за Днепр⁸⁰. Такая ситуация повторилась в более широком масштабе, когда выступили в поход главные силы.

18 сентября русско-украинская армия подошла к Днепру в районе Канева. Дорошенко просил о помощи у османского командующего, но, как сообщил Вас. Кочубей, ему в этом было отказано, пока «с ляхами расправятца»⁸¹. В поход на Правобережье было направлено значительное войско — генеральный есаул Лысенко с 6 казацкими полками, казацкие полки со Слободской Украины и часть армии Г. Г. Ромодановского во главе с генерал-майором Францем Вулфом. Войско это не столкнулось с организованным сопротивлением. Гарнизоны сердюков,

⁷² Так, город Подгайцы, сдавшийся османам, османский командующий «разорил до основания... молодых выбравши в ясырь, а старых, выпустивши в поле, всех посекали» (РГАДА. Ф. 79. Кн. 173. Л. 345).

⁷³ АЮЗР. Т. XII. № 109. Стб. 315–316.

⁷⁴ Там же. № 80. Стб. 234.

⁷⁵ Там же. № 80. Стб. 235–236.

⁷⁶ Там же. № 51. Стб. 159.

⁷⁷ Там же. № 58. Стб. 174.

⁷⁸ Там же. № 72. Стб. 210.

⁷⁹ РГАДА. Ф. 229 (Малороссийский приказ). Оп. 2. Кн. 38. Л. 61 об., 63 об.—64.

⁸⁰ Акты, относящиеся к истории Западной России (далее — АЗР). СПб., 1853. Т. V. № 96. С. 135.

⁸¹ АЮЗР. Т. XII. № 80. Стб. 233.

стоявшие в Корсуни, Богуславе, Черкасах, Мошнах, Мглееве, «оставя те города пусты», перешли за Днепр⁸². Речь шла об организованном и массовом уходе. Так, по свидетельству современника, автора «Летописи Самовидца», в Корсуни «усіх людей... с полковником их спровадили на Задніпре»⁸³. Поход охватил значительную часть территории, еще подчинявшейся Дорошенко. Но этим дело не ограничилось. 14 октября И. Самойлович писал царю, что жители Правобережья, «оставя тое стороны города все в Уманском уезде и около Богу, перешли на сю сторону Днепра». Переселенцев возглавили полковники корсунский Федор Кандиба и уманский — Никита Синенко⁸⁴. Позднее Самойлович еще более определенно писал, что «от самого Днестра даже до Днепра нигде и духа человеческого нет, кроме где крепость ляцкая»⁸⁵. И. Самойлович, вероятно, преувеличивал достигнутые результаты, но очевидно, что поход русско-украинской армии послужил толчком для массовых переселений населения, охвативших территорию гораздо более обширную, чем та, на которой находились русские войска.

О масштабах переселений свидетельствует письмо И. Самойловичу каневского полковника, где говорится, что в Канев «тысячу воез ольховских и звенигородских к нам привели, которым тотчас перевозится на сю сторону велели»⁸⁶. Ольховец и Звенигородка — поселения в районе Умани. О том, насколько обширна была охваченная переселениями территория, говорит другое письмо каневского полковника, в котором указывалось, что брацлавский полковник Дорошенко Федор Балабаш собрал, чтобы идти за Днепр, «всех забожских», то есть людей, живших южнее Южного Буга, но на этой реке они подверглись нападению польских войск из Паволочи и Белой Церкви, и их, никого не щадя, «в пень вырубил»⁸⁷. Очевидно, что переселения не только имели массовый характер, охватив и те земли, где русские войска во время похода 1675 г. и не побывали, не только более далекие земли правобережного гетманства, но и те земли за Бугом, которые в конце 1674 г. подчинились польской власти. Важно, что о большом притоке людей на Левобережье говорится и в других документах Самойловича, более деловых по своему характеру. Так, в одном из них идет речь о необходимости усилить гарнизон Переяслава, так как много людей из-за Днепра, «перешед, в большом городе и ныне селятца»⁸⁸. Все это показывает, что в борьбе с властями Речи Посполитой за привлечение населения Правобережья на свою сторону русское правительство определенно одержало победу.

Положение дел было ясно и властям Речи Посполитой, которые пытались использовать это как аргумент на переговорах с османами. Как выяснил В. М. Тяпкин, посланец Яна Собеского Ян Гиза должен был доказывать, что бессмысленно вести войну из-за запустевших земель Приднепровья. Одних людей здесь «всех в плен... побрали», а другие «сами добровольно вышли все на московскую сторону»⁸⁹.

Вместе с тем массовые переселения населения за Днепр вели к тому, что на Правобережье ослабевало сопротивление действиям польских властей. Как сообщал бывший уманский полковник Никита Синенко, оставшийся на месте в Умани уманский сотник подчинился польскому коменданту в Немирове⁹⁰. Когда потерпел поражение и попал в плен брацлавский полковник Федор Балабаш, а его резиденция — Бершада — была взята штурмом⁹¹, перестал существовать подчинявшийся ранее Дорошенко брацлавский полк.

⁸² РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 38. Л. 132 об.—133. Сохранились и свидетельства о походе полковника Молчана к самому Чигирину (РГАДА. Ф. 79. Кн. 173. Л. 397; 1676 г. № 6. Л. 301).

⁸³ Летопись Самовидца. Київ, 1971. С. 121.

⁸⁴ АЮЗР. Т. XII. № 92. Стб. 267—268.

⁸⁵ Там же. № 93. Стб. 271.

⁸⁶ Там же. № 83. Стб. 243.

⁸⁷ Там же. № 97. Стб. 283. Ср.: [Wagner, s. 201].

⁸⁸ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 38. Л. 166.

⁸⁹ РГАДА. Ф. 79. Кн. 173. Л. 45—45 об.

⁹⁰ АЮЗР. Т. XII. № 152. Стб. 530—531.

⁹¹ Там же. № 101. Стб. 293.

При этом польские власти стремились действовать и на более северных территориях. Помимо упоминавшегося выше отряда Г. Гуляницкого к Белой Церкви был направлен отряд во главе с ротмистром С. Лазинским [Wagner, s. 164]. Г. Гуляницкому было поручено привлекать на польскую сторону жителей Правобережья — подданных Дорошенко. Из сохранившегося письма Г. Гуляницкого от 6 августа (н. ст.) видно, что с уходом войск Дорошенко от Корсуни после первого похода русско-украинской армии он стал препятствовать уходу людей из разных городов за Днепр. Он задержал «з две тысячи возов с рухлядами»⁹². Более активно действовал С. Лазинский, пытавшийся подчинить польской власти северные земли правобережного гетманства. Так возникла ситуация, когда в Корсуни верхний замок занял С. Лазинский, а нижний — русско-украинские войска⁹³.

Думается, что с этой стороны дела следует связывать то обстоятельство, что удачно начавшийся поход был скоро прерван. Г. Г. Ромодановский сообщил, что 8 октября армия, вернувшаяся за Днепр, направилась на места зимовки, а перед этим, 1 октября, к Самойловичу прибыли корсунские казаки, которые были на «резиденции» от Дорошенко в османо-татарском войске. Они сообщали, что их отпустили к гетману при уходе этого войска с территории Речи Посполитой⁹⁴.

Военная кампания закончилась неопределенно, без крупного сражения главных вражеских армий. Летом 1675 г. снова ходили слухи, что между Речью Посполитой и Османской империей идут переговоры о заключении не только мира, но и союза против России⁹⁵. Кроме того, скоро стало известно о резко отрицательной реакции политиков Речи Посполитой на русский поход на Правобережье. Польский резидент П. Свидерский передал в Посольский приказ письмо витебского воеводы Я. А. Храповицкого. «Русские, — писал он, — нас такими поступками пуще нежели бусурмане в конец разоряют», и предлагал срочно направить на Украину польские войска⁹⁶.

Вероятно, поэтому русские военачальники лишь содействовали переселению людей за Днепр, а решение вопроса о принадлежности Правобережья было отложено. Тем временем уход населения Правобережья за Днепр продолжался, в переселении участвовали не только простые люди, но и наемные войска гетмана — «сердюки». В марте 1676 г. переяславский полковник Войца Сербин сообщал: «сердюков из Черкас целой курень передалися»⁹⁷. Даже О. Гоголь в начале 1676 г. начал переговоры с Самойловичем о переходе под его власть [Крикун, 2006, с. 318]⁹⁸.

П. Д. Дорошенко не обладал такими силами, которые позволили бы ему серьезно влиять на события. Целью предпринятых им сложных маневров было добиться выигрыша во времени, пока на Украину не придут на помощь ему османо-татарские войска. Речи Посполитой он мог серьезно не опасаться, так как с окончанием военной кампании армия была распущена, а сбор новой армии был в этом государстве долгим и трудным делом. Оставалось попытаться добиться временного соглашения с царем. На раде в Чигирине 13 октября 1675 г. он публично принес присягу царю и освободил находившихся в городе пленных⁹⁹. В январе 1676 г. последовал новый важный жест: П. Яненко (тесть гетмана) передал в Москву полученные Дорошенко от султана знаки власти¹⁰⁰.

Большого значения все это не имело. Несмотря на предпринятые им жесты, Дорошенко не приобрел никакого доверия у русских политиков. Из разных источников в Москву постоянно

⁹² РГАДА. Ф. 79. 1675 г. № 6. Л. 243.

⁹³ РГАДА. Ф. 79. Кн. 173. Л. 409 об.

⁹⁴ АЮЗР. Т. XII. № 90. Стб. 261.

⁹⁵ Там же. № 58. Стб. 174.

⁹⁶ РГАДА. Ф. 79. 1675 г. № 4. Л. 329–331, 334.

⁹⁷ АЮЗР. Т. XII. № 158. Стб. 563.

⁹⁸ В сентябре 1676 г. И. Самойлович посылал в полк к И. Новицкому казаков, пришедших «з войска Гоголева» (АЮЗР. Т. V. № 103. С. 140).

⁹⁹ АЮЗР. Т. XII. № 94. Стб. 274.

¹⁰⁰ Там же. № 134. Стб. 430. Подробнее о маневрах П. Дорошенко см.: [Костомаров, с. 262 и сл.; Perdenia, s. 444 i n.].

поступала информация о его попытках искать поддержки хана и султана¹⁰¹. Сами надежды на помощь османов были тщетны, так как у них, как увидим далее, уже был свой кандидат на гетманство, который должен был стать послушным орудием османской политики.

О реакции польско-литовских политиков на присягу Дорошенко сообщал в декабре 1675 г. В. М. Тяпкин. Она оказалась неоднозначной. Если одни возмущались тем, что царь «у них Украину отобрал», то другие, наоборот, готовы были приветствовать, «чтоб в Чигирине царского величества войска пехотные и конные были большие безпрестанно», иначе «слаба верность казацкая явитца»¹⁰². Можно предположительно отметить факт, который способствовал согласию части политиков Речи Посполитой на утверждение русской власти в Чигирине. 10 марта 1676 г. литовские политики К. Пац и М. Пац сообщили В. М. Тяпкину, что султан «учинил... гетманом Юраску Хмельницкого, которого ныне с собою проводит»¹⁰³. Выдвижение в качестве гетмана прямой креатуры османов человека, находящегося у них в руках, означало ориентацию Стамбула на прямое подчинение Правобережной Украины своей власти. В этих условиях соседство России оказывалось более предпочтительным. Эти перемены отразились и на ходе русско-польских переговоров о союзе. 10 июля 1676 г. королевский посланник К. Чихровский предложил направить одну русскую армию на помощь войскам Яна Собеского, а другую — «воевать Дорошенко, чтоб конечно его разорить»¹⁰⁴.

Таким образом, складывались благоприятные условия для похода на Правобережье. И. Самойлович нашел момент подходящим, чтобы с помощью мер давления заставить Дорошенко подчиниться его власти. В марте 1676 г. к Чигирину был послан черниговский полковник В. Борковский с 7 полками. Дорошенко не подчинился, а из Москвы приказали прервать поход¹⁰⁵. Проявленная осторожность была связана с тем, что весной 1676 г. приходили сообщения о планах османов предпринять поход на Киев, поставив крепости на Кодаке, в Каневе, в Черкасах¹⁰⁶. К концу лета положение прояснилось. В конце августа османская армия перешла Днестр и двигалась по направлению ко Львову [Wagner, s. 243–244], в районе которого для отпора османам собрались главные силы Речи Посполитой. В этих условиях собравшаяся в августе у Днепра русско-украинская армия выступила в начале сентября в поход¹⁰⁷.

Сообщения, поступавшие в августе 1676 г., говорили о полном распаде остатков правобережного гетманства. Сообщалось, что «сердюки» — главная опора Дорошенко — «голодны и наги» и вынуждены заниматься разбоем, так как гетман «платы не дает и дать нечево»¹⁰⁸. В таких условиях начавшийся поход скоро завершился успехом.

Главным источником сведений о походе являются грамоты И. Самойловича царю и рассказы его посланцев в Малороссийском приказе. На основании этих источников происходившие события описывались неоднократно [Костомаров, с. 267–269; Perdenia, s. 461–462]. Через Днепр перешел сильный авангард русско-украинской армии во главе с полковником Г. Косаговым и Л. Полуботком, в походе участвовали 4 казацких полка и «надворная компания» гетмана Самойловича. Не сталкиваясь с сопротивлением, войска подошли к Чигирину. Здесь «подступили под город и учинили бой», и на следующий день Чигирин капитулировал. После подтверждения И. Самойловичем «прав и вольностей войсковых» П. Дорошенко «со всею старшиною своею и с

¹⁰¹ См. сообщение греков, видевших в Сороках посланцев П. Дорошенко к султану (АЮЗР. Т. XII. № 176. Стб. 637), и сообщение В. М. Тяпкина, что Дорошенко «к хану непрестанно посылает» (РГАДА. Ф. 79. 1676 г. № 4. Л. 397).

¹⁰² РГАДА. Ф. 79. Кн. 178. Л. 31–31 об. См. также л. 47–47 об. (мнение подскарбия коронного Я. А. Морштына).

¹⁰³ РГАДА. Ф. 79. Кн. 178. Л. 155–155 об.

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 79. 1676 г. № 13. Л. 268.

¹⁰⁵ АЮЗР. Т. XII. № 165. Стб. 596–602.

¹⁰⁶ Там же. № 162. Стб. 570; РГАДА. Ф. 79. 1676 г. № 4. Л. 150–151.

¹⁰⁷ 8 сентября датирована грамота Самойловича «в таборе над Днепром против Вороновки» (АЗР. Т. V. № 102).

¹⁰⁸ АЮЗР. Т. XII. № 196. Стб. 714.

товариством и с серденятами» направился в лагерь гетмана за Днепром, где отрекся от гетманства и передал знаки власти Самойловичу¹⁰⁹. «Сердюков» в количестве 1500 человек Самойлович «взял к себе»¹¹⁰. В Чигирине был размещен значительный русско-украинский гарнизон (свыше 2 тысяч человек)¹¹¹. Наконец, присягу принесло население территорий, еще подчинявшихся в конце 1676 г. власти Дорошенко, округа Чигирина и Черкасы¹¹². Армия вскоре ушла за Днепр, так как, по оценке Самойловича, «на той стороне... все пустыня опричь самого Чигирина и околних городков»¹¹³.

Это был важный и серьезный успех, когда в состав Русского государства вошла существенная часть Правобережья. Это, однако, не означало утверждения русской власти во всем том регионе, который когда-то входил в правобережное гетманство. Значительная часть этой территории в той или иной степени находилась под властью Речи Посполитой, и гетман Самойлович готов был предпринимать меры, чтобы изменить такое положение вещей. Один из его посланцев, полковник Ильяш Новицкий, сообщал в Малороссийском приказе, что гетман «поставил около Богу реки тарговицкого полковника Цербину, а с ним казаков 500 человек»¹¹⁴. Тарговица — город, центр казацкого полка, расположенный на запад от Чигирина на дороге к Умани. Упоминание подчиненного гетману тарговицкого полковника показывает, что события осени 1676 г. не ограничивались подчинением левобережному гетману Чигирина с округой. Вместе с тем посылка застав связана со стремлением утвердить южную границу полка на Южном Буге. К югу от этой реки были земли, подчинявшиеся польской власти.

И не только там находились укрепленные пункты польской власти — по определению Самойловича, «крепости ляцкие». В грамоте царю, написанной в октябре 1676 г., гетман обращал внимание царя на присутствие польских гарнизонов не только в таких близких к Южному Бугу городах, как Немиров и Кальник, но и в таких более близких к Киеву пунктах, как Черногородка и Белая Церковь. Он также обвинял «ляхов» в том, что они «не по делу вступаются» в «ближние к Днепру городки киевского, каневского и корсунского полков». И рекомендовал добиваться, чтобы поляки «уступили», то есть ушли из занятых ими крепостей¹¹⁵.

В царском ответе от 30 октября гетману рекомендовалось «жити с королевского величества с людьми спокойно»¹¹⁶. В своих отношениях с Речью Посполитой русская сторона опиралась на свою интерпретацию Андрусовского договора, отстаивая свое право отбирать земли Правобережья, захваченные османами и их ставленником Дорошенко. Держась такой позиции, русские политики не могли отрицать право поляков делать то же самое. Однако само укрепление русских позиций на Правобережье создавало почву для серьезного конфликта с Польско-Литовским государством.

Такого конфликта, однако, не произошло. В октябре 1676 г., вскоре после того, как русские войска заняли Чигирин, Речь Посполитая под натиском османов была вынуждена заключить мир, по которому Речь Посполитая уступала Правобережную Украину Османской империи. Лишь в двух городах на севере региона — в Белой Церкви и Павлолучи — могли остаться польские гарнизоны [Wagner, s. 286]. После этого Речь Посполитая перестала участвовать в борьбе за Украину, и завоеванные позиции на Правобережье России предстояло отстаивать в борьбе с агрессивной и могущественной Османской империей.

Рассмотренный материал показывает, что в течение ряда лет Россия настойчиво вела борьбу за Правобережье, которое хотела подчинить себе Речь Посполитая, и добилась в

¹⁰⁹ Там же. № 201. Стб. 729–730, 732–733; № 203. Стб. 749.

¹¹⁰ Там же. № 203. Стб. 746; № 205. Стб. 775.

¹¹¹ Там же. № 203. Стб. 746.

¹¹² Там же. № 203. Стб. 730.

¹¹³ Там же. № 201. Стб. 735.

¹¹⁴ Там же. № 203. Стб. 749.

¹¹⁵ Там же. № 205. Стб. 775–776.

¹¹⁶ Там же. № 209. Стб. 787.

этой борьбе заметных успехов, используя международную ситуацию и благодаря поддержке местного населения, значительная часть которого выехала на Левобережье под защиту Русского государства. Как известно, обстоятельства сложились так, что Русскому государству тогда не удалось удержать Правобережье. Однако ожидания людей, искавших на Левобережной Украине помощи и защиты, не были обмануты. Османская армия понесла в борьбе за Чигирин столь серьезные потери, что ей пришлось отказаться от планов похода на Киев и Левобережье.

Литература

- Костомаров Н. И.* Исторические монографии и исследования. СПб., 1905. Кн. 6. Т. XV–XVI.
- Крикун М.* Турецкий похід у Правобережну Україну 1674 року // Вісник Львівського університету. Серія історична. 1999. Вип. 34. С. 123–164.
- Крикун М.* Крикун М. Між війною і радою. Козацтво правобережної України в другій половині XVII – на початку XVIII століття. Київ, 2006.
- Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. Ч. 2.
- Попов А. Н.* Русское посольство в Польше в 1673–1677 годах. СПб., 1854.
- Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. VI.
- Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. VII.
- Флоря Б. Н.* Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013.
- Флоря Б. Н.* Россия и элекция в Речи Посполитой 1674 года // Средние века. М., 2015. Т. 76 (1–2). С. 269–290.
- Эйнгорн В. О.* Дипломатические сношения московского правительства с Правобережной Малороссией в 1673 г. // ЖМНП. 1898. Май. С. 118–151.
- Эйнгорн В. О.* Очерки из истории Малороссии в XVII в. М., 1899.
- Korzon T.* Dola i niedola Jana Sobieskiego. Kraków, 1898. Т. III.
- Perdenia J.* Hetman Piotr Doroszenko a Polska. Kraków, 2000.
- Wagner M.* Wojna polsko-turecka w latach 1672–1676. Zabrze, 2009. Т. II.
- Woliński J.* Król Jan III a sprawa Ukrainy. 1674–1675 // Sprawy Narodowościowe. Warszawa, 1934. R. VIII. № 4. S. 1–30.
- Woliński J.* Z dziejów wojen polsko-tureckich. Warszawa, 1963.
- Wójcik Z.* Jan Sobieski. Warszawa, 1983.